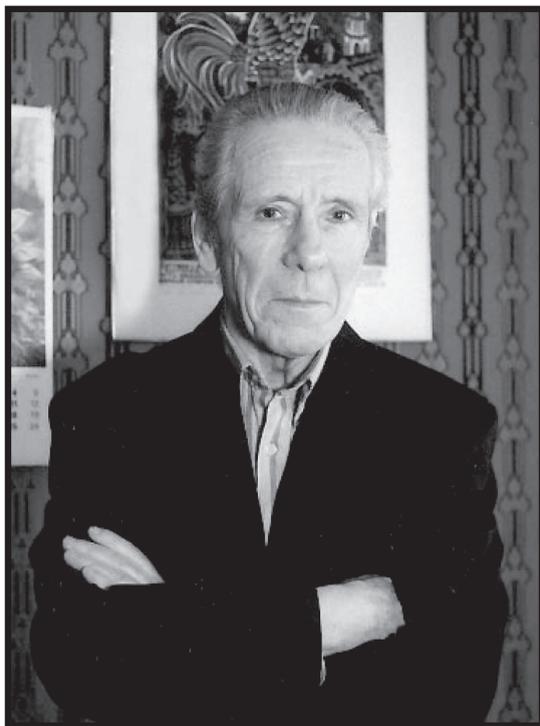

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ИСАЕВИЧА ГОЛОДА (1935–2013)

26 января 2013 г. скончался Сергей Исаевич Голод, известный российский социолог, специалист в области социологии семьи, гендерных и сексуальных исследований. Его натура была всецело посвящена науке, гуманитарному и социальному знанию. Историк по образованию (исторический факультет Ленинградского педагогического института, 1961 г.; доктор философских наук, 1987), он всю жизнь трудился в академических учреждениях: младший научный сотрудник кафедры философии АН СССР (1963–1965), младший научный сотрудник Ленинградского филиала Института философии АН СССР (1969–1975), научный сотрудник Института социально-экономических проблем РАН (ИСЭП, 1975–1989). С 1989 г. — ведущий, затем главный научный сотрудник Ленинградского филиала Института социологии РАН. В 1996–2001 годах — директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, в 2001–2002 гг. — директор-организатор Социологического института РАН. Главный научный сотрудник СИ РАН, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского госуниверситета (СПбГУ, 2002–2011).

С.И. Голод — один из основателей российской социологии семьи и сексуальности. До конца своих дней он стремился найти ответы на острые вопросы человеческого существования.

С момента создания в 1997 г. «Журнала социологии и социальной антропологии» он был членом редколлегии и принимал активное участие в становлении ЖССА. Благодаря его усилиям и поддержке журнал смог стать одним из ведущих социологических журналов в России. В своем интервью (ЖССА. 2002. Т. V. № 3) Сергей Исаевич подробно изложил историю своей трудной научной карьеры, оценил ситуацию в социологии семьи, сексуальности и гендерных исследованиях.

С.И. Голод навсегда останется в истории ленинградской-петербургской социологии, в памяти и душе его коллег и друзей.

Владимир Козловский

Петербургская социология понесла колоссальную утрату. Сергей Исаевич был настоящим большим ученым, исследователем такой тонкой материи, как сексуальные отношения. Делал он это необычайно деликатно. В этом ему помогала его собственная внутренняя чистота. Взгляд социолога в его творчестве иногда сочетался с антропологическим видением. Он стремился донести до читателей высокое назначение женщины и делал это так ненавязчиво и с таким благородством! Как-то в частной беседе он сказал: «Женщина всегда и везде красива».

Трудно смириться с его уходом. Интуитивно я воспринимала его как молодого человека. Все как у Пушкина — «и глядь, как раз умрем...»

Ирина Елисеева

Память о Сергее Исаевиче Голоде у каждого своя, так как все мы соприкасались с ним в разное время и в разных ситуациях. Для меня важно было работать с ним, быть его заместителем в годы его директорства в нашем институте. Проявленные им человеческие качества на этой должности до сих пор вызывают у меня уважение и восхищение, хотя они и не способствуют долгой административной жизни, а тем более — продвижению по службе. Честность и бескомпромиссность весьма затратны. И, прежде всего, в отношении социального капитала. Бывшие друзья становятся жесткими оппонентами и подчас врагами, новые друзья появляются редко, коллеги-бюрократы относятся с настороженностью. Но таков удел преобразователя.

Реформы, проводимые С.И. Голодом как директором, имели две основные цели: создание в Санкт-Петербурге *института*, который бы был *современным и научным*. Обе задачи разделялись всеми, но видение того, что должен представлять собой будущий институт, у разных обитателей Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН было разным.

Первое — институт. С самого начала своего директорства Сергей Исаевич стремился к этой своей (и, как он полагал, большинства питерских социологов) мечте. Но только через три года — в 1999 г. — эта задача стала организационно возможной. Зачем нужен был самостоятельный институт? Прежде всего, для создания нового, нашего, питерского сообщества социологов, пространства научного деланья. Автономное существование в Академии наук связано с возможностью самостоятельного определения научного поиска в тех направле-

ниях научных исследований, которые вроде бы уже в значительной степени содержательно определены «столичными законодателями ученой моды». Конечно, вольница 1990-х, захватившая все стороны российской жизни, давала большую свободу научным сотрудникам, да и самому филиалу института, тем более что директор головного института В.А. Ядов весьма либерально относился к тому, что и как изучалось у него на малой родине. Подчас научные отчеты петербургского филиала толком и не читались в Москве. Мы были в тени и под крылом. Мы как бы были, но нас вроде бы не было. Отдельный же институт давал бы возможность заявлять о себе постоянно и содержательно. В этом был смысл создания института для Голода.

Важным являлось и то, что филиал финансировался по остаточному принципу. Пропорции бюджетирования постоянно нарушались, материальные проблемы всего института решались за счет его периферийной части. Многие вопросы невозможно было даже обсудить директору филиала с его патроном. Приезжая в Питер, Владимир Александрович не всегда находил возможность заглянуть в филиал и встретиться с Сергеем Исаевичем. Это создавало дополнительные институциональные трудности. Голод первое время очень переживал по этому поводу, тем более что наследство ему досталось весьма непростое. Выделение в самостоятельную структуру позволило бы решить часть хозяйственных и административных проблем.

Союзниками в деле создания самостоятельного института стали В.А. Ядов и вице-президент РАН академик В.Н. Кудрявцев, откликнувшийся на просьбу Владимира Александровича. В Петербурге эту идею поддержал Ж.И. Алферов. После ряда совещаний и обсуждений в июле 1999 г. будущая институция получила свое первое «проектное» имя — Институт социологии общественных изменений. Через полгода согласований и различных административных процедур, 11 января 2000 г. Президиум РАН принял постановление о создании Социологического института. Голод стал директором-организатором. Но до полного создания Института было еще далеко.

Надо заметить, что Сергей Исаевич не хотел быть директором Института после прохождения всех институционализирующих процедур. Административного честолюбия у него не было. Осенью 2000 г. на очередном совещании в Москве в кабинете академика-секретаря Отделения философии, социологии, психологии и права РАН академика Б.Н. Топорнина в присутствии ученого секретаря Отделения Б.И. Зеленко, В.А. Ядова и меня он прямо об этом заявил. Все начальство бросилось его уговаривать. Топорнин тогда сказал, что институты в Академии создаются под определенных директоров. Ядов обещал всяческую поддержку и просил хотя бы три года побыть директором. Голод согласился и поверил во все, что ему говорили. Однако обстоятельства и люди меняются.

Первоначально почти все сотрудники института выступала «за». Но затем в Москву стали приходить письма. Для части коллег новый институт был в первую голову символическим делом, во вторую очередь — местом получения новых ресурсов, а уж затем — научной площадкой. Это проявлялось и в дискуссиях внутри института, где далеко не всегда речь шла о проблемах социологии, а скорее о месте отдельных персон в ней. «Оппозиция» искала по городу людей,

которые могли бы заменить Сергея Исаевича. Это оказалось трудной задачей, поскольку найти равновесного по научному признанию социолога в Петербурге, готового к тому же бросить вызов действующему руководителю, пользующемуся поддержкой большинства сотрудников, было сложно. Но, тем не менее, выполнимой. В начале 2002 г. на собрании научного коллектива два претендента боролись за поддержку институтских социологов. С.И. Голод набрал 70 % голосов. Но письма и кулуарные интриги сделали свое дело. Еще почти год московское академическое начальство все откладывало и не выносило вопрос о новом директоре на общее собрание Отделения РАН. Сторонники таяли. Ядов уже осенью завел разговор о том, что, может быть, и лучше, если директором института станет не ученый, а умелый хозяйственник и администратор. В январе 2003 г. директорство Голода закончилось.

Удивительное дело — Сергей Исаевич внешне достаточно стойко переносил ложь, предательство и возникающую критику, которая подчас носила откровенно оскорбительный, личностный характер. Но более всего для него обидным было то, что дружеские отношения с некоторыми коллегами стали рваться.

Институционально С.И. Голод очевидно победил: институт возник, но персонально...

Организационная сторона научной деятельности, связанная с конституированием самостоятельного института, дает некоторые возможности, но целиком не решает проблемы. С.И. Голод полагал, что современная наука связана со свободной конкуренцией на рынке идей. Специфические институты, ее обеспечивающие, — это открытые научные дискуссии на конференциях, в журналах и книгах, конкурсы с очевидными правилами. Конечно, люди не равны в своих способностях и стартовых возможностях. Однако институциональная среда может создавать режим максимально возможного равного участия тех, кто стремится стать и быть ученым, исключая неоправданные преференции. И Сергей Исаевич стремился к созданию именно такого режима. Но как быть с «заслугами» «старой гвардии»? И что считать «заслугами»?

Новый директор института А.В. Тихонов вслед за оппонентами С.И. Голода публично прямо обвинил его в нежелании сотрудничать с заслуженными продуктивными учеными, «старой гвардией» «Ленинградской научной школы» (по совместительству — авторами писем в Москву с жалобами на Голода). Внутренний конфликт научного коллектива фактически был вокруг мифа, конституирующего представление о «школе», «научности», «наследии» и связанным с ними дискурсом. Для части «старогвардейцев» не столь важным было научное творчество «здесь и сейчас». Научность воспринималась и эксплицировалась ими как приобщение к делам *Мастера* в прошлом. В данном случае это были воспоминания и апелляции к ядовскому духу и наследию. Идентификация с «Ленинградской научной школой» была здесь очень важным элементом определения «своих» и «чужих». В этом отношении камлания и медитации членов традиционных обществ весьма схожи по своим принципиальным механизмам создания и поддержания солидарности. Отсюда и стремление оставить в современности себя как имеющих отношение ко вчерашнему сакральному. Ясно,

что С.И. Голод в этой системе координат мог быть только «чужим», поскольку для него важнее было настоящее научное творчество в настоящем.

Конечно, энергозатраты, прилагаемые в продвижении научных критериев, оказались большими. Но игра стоила свеч! Совместно с факультетом социологии СПбГУ был создан журнал, ставший заметным явлением в российской социологии, статьи по академическим исследовательским темам стали обсуждаться с привлечением внешних рецензий, и только после этого они могли быть приняты к печати, в институте ежегодно проводился конкурс научных работ, финансово поощрялась научная активность и продуктивность сотрудников, на работу принимались новые молодые сотрудники. Естественно, это не всех могло радовать. Но большинство было «за».

Конечно, системные проблемы, связанные с состоянием российского общества и науки, не были решены, но и институт получил свой шанс и сделанное тогда не было полностью разрушено позже и еще позитивно действует и сейчас. Спасибо за это Сергею Исаевичу!

Александр Дука

С.И. Голод был первопроходцем в социологии, при этом не только в тематическом плане, но и по гражданскому мужеству, которое нередко требовалось тогда для социолога. И немногие вставали на этот рискованный путь. Голод был одним из первых. Помню картинку: Сергей сидит в коридоре ИСЭПа и демонстративно протестует против неприятия его темы. Один, без массы, не в демонстрации. Тогда это было просто опасно. Но он сидел день за днем. И в конце концов победил. Хотя, возможно, это ему дорого стоило. И ресурсов здоровья не хватило.

С почтением, *Борис Максимов*

Ушел из жизни Сергей Исаевич Голод. Крупный ученый, автор книг и статей, ссылки на которые обязательно присутствуют во всех работах, посвященных проблемам брака и семьи. Он был удивительный человек, не похожий ни на кого. Личность.

В 1980-е гг., во время очередной кадровой перестановки в Институте социально-экономических проблем АН СССР, Сергей Исаевич пришел работать в сектор демографии и трудовых ресурсов. Он возглавил нашу демографическую группу. Его советы, подсказки, рекомендации создавали творческую научную атмосферу. Сам Сергей Исаевич много и упорно работал, написал и защитил докторскую диссертацию. Когда из состава ИСЭП выделился социологический институт РАН, ушел работать туда. Руководил сектором, постоянно получал исследовательские гранты, в том числе, на свою научную школу, читал лекции в университетах, писал книги, работал, работал, работал.

Его мысли и идеи вызывали яростную критику, порой голословную. На одном из совещаний в отделе ИСЭПа было сказано, что «Голод разрушает советскую семью». Он выдерживал эти наскоки, как стойкий оловянный солдатик, и от своих убеждений не отступал.

Памяти Сергея Исаевича Голода

Сергей Исаевич горячо любил свою семью, внука, обожал дочь Катю, которая так рано ушла из жизни. Твердый и непримиримый в научных дискуссиях, в повседневном общении был прост и легок. Незабываемы наши чаепития, «файв о'клоки», с шутливой болтовней.

В последние годы он много болел, но работать продолжал, пока была возможность. Осталась незавершенной его очередная книга. Смерть Сергея Исаевича Голода — большая потеря для отечественной науки, для всех, кто его знал.

Наталья Чистякова

Более 50 лет тому назад мы начинали вместе с Сергеем Исаевичем работу в тогдашней социологической лаборатории ЛГУ. Помню, что приступили к перфорированию данных по исследованию молодых рабочих, и все торчали возле перфорационных машин в статуправлении, ненадолго собираясь у себя во Дворце Меншикова на втором этаже, где паркетный пол зиял черными пустотами. Звонок из Смольного: вызывает первый секретарь Обкома Толстиков, тот еще персонаж. С порога кроет меня матом и, не предлагая сесть, орет «Кто позволил вам проводить в Калуге (точно не помню где именно) опросы студентов, как часто они е ... (нецензурно)? Мне из ЦК звонят, твою мать!» Я объяснил, что исследование о сексуальном опыте студентов проводится аспирантом И.С. Кона с разрешения ректора и что какой-то визитер из другого города стащил опросник без нашего ведома. Высокопоставленный матерщинник взял трубку кремлевского аппарата — «вертушки» и, стоя, виноватым тоном стал кому-то объясняться в своей невинности. После этого он проорал длинную фразу, в которой шесть слов все же были печатными: «... И ... чтобы... этого никогда... больше не было...!!!» Вот в таких обстоятельствах Сергей Голод утверждал новое для нас направление социологических исследований.

Созданная Сергеем Исаевичем научная школа продолжает дело его жизни. А потому он остается с нами.

Владимир Ядов